

Эл Фрей

КЛЯТВА
МЁРТВОЙ ПРИНЦЕССЫ

18+

Эл Фрей

Клятва мёртвой принцессы

<https://litres.ru/74558367>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он поклялся быть моим, пока Луна светит на небе. А потом разжал пальцы над пропастью.

Меня обвинили в измене стае. Муж-Альфа и сводная сестра загнали меня на край обрыва, и Дариан сорвал с меня метку истинной пары. Я должна была погибнуть. Но меня спасла изгнанная принцесса Ильва — и стала мне сестрой, которой у меня никогда не было.

Её убили у меня на руках. Умирая, она отдала мне свою волчицу, своё кольцо и взяла клятву отомстить.

Теперь я — принцесса Ильва, наследница белых волков. Королева-мачеха, подославшая убийц, улыбается мне в лицо. Её дочь мечтает о моём троне. А командир гвардии Кайдэн знает мою тайну и, кажется, единственный, кому я могу доверять.

Я сдержу клятву. И посмотрю в глаза предателям, когда они придут кланяться новой королеве.

Содержание

Глава 1	4
Гл	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эл Фрей

Клятва мёртвой принцессы

Глава 1

Ровена проснулась за час до рассвета — так, как просыпалась всю жизнь: сразу, без сладкой дремоты, с ясной головой и рукой, которая сама потянулась под подушку, к рукояти ножа.

Нож был на месте. А вот вторая половина постели — нет.

Она медленно провела ладонью по простыне. Холодная. Не остывшая, не тёплая от недавно ушедшего тела — холодная, как камень за окном. Значит, Дариан не ложился вовсе.

Третий раз за седмицу.

Ровена села, подтянув колени к груди, и какое-то время смотрела в темноту спальни. Угли в камине едва тлели, по полу тянуло сквозняком, и где-то внизу, во дворе крепости Чёрный Утёс, уже переругивались конюхи. Обычное утро. Ничего не случилось. Альфа стаи Тёмного Хребта имеет право не спать в собственной постели, если дела стаи требуют его внимания. Границы, патрули, долгие ночные советы с Бетой — она сама была Луной и знала, сколько всего лежит на плечах того, кто ведёт волков.

Только раньше, уходя ночью, он всегда её будил. Касался

губами виска и шептал: «Спи, Луна моя. Я скоро». А возвращаясь, ложился рядом, прижимал к себе, и она засыпала снова, уткнувшись носом в его ключицу, — пахнущую хвоей, дымом и чем-то ещё, тем, чему у неё не было названия, кроме одного: *мой*.

В последний месяц он её не будил.

Беспокойно, — отозвалась внутри Сайра.

Волчица не спала. Она вообще в последнее время почти не спала — ходила кругами где-то на самом дне души Ровены, глухо ворчала и прижимала уши, словно чуяла грозу, которой не было на небе.

— Знаю, — тихо ответила ей Ровена. — Я тоже.

Она откинула одеяло и босиком прошла к умывальнику. Вода в кувшине за ночь стала ледяной, и это было хорошо: холод прогнал остатки липкой тревоги. Ровена плеснула в лицо, выпрямилась и встретилась взглядом со своим отражением в старом бронзовом зеркале.

Длинные тёмные волосы, тяжёлые и прямые, — мать, говорили, была такой же. Серые глаза — отцовские, холодные, как северное небо перед снегом. Упрямый подбородок, тонкий шрам на скуле — память о первом настоящем бою, в шестнадцать. И у основания шеи, чуть левее, там, где плечо переходит в изгиб шеи, — метка.

Тонкий серебристый полумесяц, будто кто-то провёл по коже лунным лучом.

Три года назад, в ночь их свадьбы, Дариан коснулся это-

го места губами, а потом зубами — и метка вспыхнула, как огонь, и навсегда связала её с ним. Связь Луны и Альфы. Связь, которую даёт только сама Луна, раз в жизни, и которую никто не в силах разорвать, кроме того, кто её поставил.

Ровена коснулась метки пальцами — и поморщилась.

Метка ныла. Несильно, едва ощутимо, как ноет старый перелом к перемене погоды. Это началось недели три назад, и сначала она решила, что ей кажется. Потом — что простыла. Потом спросила у старой Хельги, знахарки стаи, и та долго молчала, глядя на неё выцветшими глазами, а потом сказала только: «Метка болит, когда связь слабеет, девочка. Поговори со своим Альфой».

Она не поговорила. Не нашла слов. Как спросить у мужа: «Почему наша связь слабеет?» — и не услышать в собственном голосе страха?

Ровена отвернулась от зеркала, заплела волосы в тугую косу, натянула штаны из мягкой кожи, рубаху, короткую куртку и сапоги. Ни платья, ни украшений — до полудня она не Луна, а просто воин. Так было заведено ещё при отце, и Дариан, когда брал её в жёны, смеялся и говорил, что не станет менять того, что делает её ею.

Что делает её ею. Она сжала губы и вышла.

Тренировочный двор Чёрного Утёса лежал у самой северной стены — широкий, утоптаный, присыпанный песком, который по весне вымывало дождями, а по осени завозили снова. Над ним нависала скала, на которой и стояла кре-

пость, а за стеной, в серой предрассветной дымке, поднималась Вдовья гора — острый каменный клык, у подножия которого шумела Ледянка, быстрая, холодная река, уходившая на север, в земли, куда волки Тёмного Хребта не ходили.

Во дворе уже были люди. Человек десять молодых воинов разминались у стены, а у стойки с оружием, опершись на тренировочное копьё, стоял Бран.

Старый Бран был ровесником её отца и его лучшим другом. Когда-то он командовал воинами Каменного Брода — маленькой стаи её отца, что жила в долине к югу отсюда. Когда два года назад Рорик погиб, а Каменный Брод, оставшись без Альфы, вошёл в стаю Тёмного Хребта, Бран пришёл вместе с ней. Пришёл, сказал он тогда, не к Дариану. К ней.

— Луна, — он чуть склонил седую голову, но в глазах плясали смешинки. — Опять не спится?

— Опять ты встал раньше меня, — ответила Ровена. — Не надоело?

— Старикам сон ни к чему. Мы своё уже проспали. — Он бросил ей тренировочный меч, и она поймала его не глядя. — Ну что, покажешь щенкам, как надо?

Молодые воины уже оборачивались. Кто-то ухмылялся, кто-то толкал соседа локтем. Ровена знала, что о ней говорят. Луна, которая дерётся. Луна, которая в прошлую зиму одна, с одним кинжалом, вышла против двух бродяг-изгоев, что напали на обоз, — и вернулась, а они нет. Одни говорили это с восхищением. Другие — с усмешкой: мол, разве это

дело для Луны? Луна должна рожать Альфе наследников, а не махать железом.

Наследников у неё не было. Три года — и ни одного. Об этом тоже говорили.

— Кто первый? — спросила она, выходя в центр круга.

Первым вышел Торвин — рослый, плечистый парень, лучший на последнем осеннем испытании. Он встал напротив, перехватил меч поудобнее и усмехнулся:

— Только не обижайтесь, Луна, если что.

— Не обижусь, — серьёзно кивнула Ровена.

Он атаковал широко, размашисто, в полную силу — как атакуют те, кто привык побеждать ростом и весом. Ровена не стала принимать удар. Она шагнула в сторону, пропустила клинок мимо плеча, развернулась на пятке — и лёгким, почти небрежным движением приставила тупое лезвие к его шее.

На всё ушло два удара сердца.

Во дворе стало тихо. Торвин моргнул, медленно скосил глаза на меч у своего горла и покраснел до ушей.

— Ещё раз, — сказал он хрипло.

— Ещё раз, — согласилась Ровена.

Во второй раз он был осторожнее, и бой продлился дольше. В третий — ещё дольше, и на третьем круге он даже сумел зацепить её по предплечью, отчего молодые волки взвыли от восторга. Ровена рассмеялась вместе с ними — легко, по-настоящему, впервые за много дней, — а потом подсекла

Торвина под колено и уронила его в песок.

— Хорошо, — сказала она, протягивая ему руку. — Правда хорошо. Но ты всё время смотришь на клинок. Смотри на плечи. Плечи говорят, куда пойдёт удар, раньше, чем рука.

— Это вас Альфа Рорик научил? — спросил Торвин, поднимаясь.

— Отец, — кивнула она. — Он говорил: «Сила — это хорошо. Но сильного всегда найдётся кому убить. А того, кто думает, — ещё поищи».

Она вернула меч в стойку. Бран протянул ей флягу с водой и негромко, так, чтобы не слышали остальные, сказал:

— Ты сегодня злая.

— Я не злая.

— Ты дерёшься, как дралась твоя мать, когда Рорик неделю не возвращался с охоты. — Он помолчал. — Что-то случилось, девочка?

Ровена сделала долгий глоток. Вода была холодной и пахла железом фляги.

— Ничего, — сказала она. — Просто плохо сплю.

Бран посмотрел на неё долгим взглядом, но спорить не стал. Только, когда она уже отворачивалась, сказал словно бы в пустоту:

— Альфа вчера опять допоздна сидел в Западной башне. Свет горел до самой третьей стражи.

Ровена замерла.

Западная башня. Там были покои Вивьен — её мачехи. И

Лианы.

— Наверное, разбирал отчёты с границы, — ровно сказала она. — Там же хранятся старые карты Каменного Брода. — Наверное, — так же ровно согласился Бран.

И больше они об этом не говорили.

К полудню Ровена уже была Луной.

Серое шерстяное платье с высоким воротом, тёмно-синий плащ с вышитым на плече серебряным волком Тёмного Хребта, волосы, уложенные короной вокруг головы. Связка ключей на поясе — от кладовых, от ледника, от оружейной. Так полагалось. Альфа ведёт стаю в бой и держит границы, а Луна держит дом: следит, чтобы зимой никто не голодал, чтобы щенки были здоровы, чтобы ссоры между семьями не превращались в кровную вражду.

Она любила эту работу. Любила больше, чем сама от себя ожидала, когда три года назад приехала в Чёрный Утёс невестой. Тогда ей казалось, что она задохнётся среди мешков с мукой и бабьих сплетен. А оказалось, что держать стаю — это тоже битва. Только враги здесь — голод, холод и человеческая глупость.

Утро ушло на кладовые. Ровена проверила запасы зерна, которое привезли с южных хуторов, и обнаружила, что два мешка из десяти отсырели. Распорядилась перебрать, просушить, отдать то, что пропало, на корм свиньям. Потом разбирала спор двух вдов, что не могли поделить ягодную поляну за Вороньим ручьём. Потом заглянула к щенкам — так

в стае называли всех детей, пока им не исполнялось шестнадцать и они впервые не перекидывались в волков. Маленький Олаф, сын кузнеца, сломал руку, свалившись с яблони, и теперь сидел у Хельги на лавке, бледный, но гордый, и рассказывал всем, что не заплакал.

— Не заплакал? — серьёзно переспросила Ровена, присаживаясь перед ним на корточки.

— Ни разочка, Луна!

— Значит, будешь воином. — Она взъерошила ему вихры. — Только на яблоню без отца больше не лезь. Воины тоже падают, если глупят.

Олаф просиял. Хельга, накладывавшая на его руку лубок, подняла глаза на Ровену и чуть прищурилась.

— Ты бледная, Луна.

— Я всегда бледная, Хельга.

— Не настолько. — Старуха помолчала. — Говорила с ним?

Ровена выпрямилась.

— Не успела, — сказала она и, прежде чем знахарка открыла рот снова, вышла.

В узком каменном коридоре, ведущем из лекарской к главному залу, было пусто и прохладно. Ровена остановилась, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза.

Говорила с ним?

Нет. Не говорила. Потому что каждый раз, когда она пыталась, Дариан смотрел на неё так, будто она чужая. Будто

между ними стояло что-то невидимое и холодное, как стекло. Он отвечал односложно, ссылаясь на дела, уходил. А однажды, неделю назад, когда она всё-таки поймала его за руку в их спальне и спросила прямо: «Что с тобой происходит?» — он выдернул руку и сказал странную, страшную фразу: «Это я должен спросить тебя, Ровена. Что происходит с тобой».

И ушёл. И не вернулся до утра.

Она до сих пор не понимала, что он имел в виду.

— Сестрица!

Голос был звонким, медовым, и Ровена открыла глаза ещё до того, как его хозяйка вышла из-за поворота.

Лиана шла по коридору легко, будто плыла, — в светло-зелёном платье, которое так шло к её рыжевато-медным волосам, с корзинкой в руках. Сводная сестра была младше Ровены на два года и была красива той мягкой, кукольной красотой, на которую всегда оборачивались мужчины: круглое личико, большие карие глаза в пушистых ресницах, ямочки на щеках. Когда она улыбалась, казалось, что в комнате становится теплее.

Ровена знала эту улыбку с семи лет. С того самого дня, когда отец, через год после смерти матери, привёз в дом новую жену — красавицу Вивьен, — а с ней маленькую девочку с рыжими кудряшками, которая встала в дверях, посмотрела на Ровену и сказала: «Это теперь моя комната?»

Комната тогда стала её. Как и любимая кукла Ровены, и

лучший гребень, и место у очага, и, кажется, половина отцовского сердца. Лиана никогда ничего не отнимала силой. Она просто улыбалась, и всё само как-то оказывалось у неё в руках.

— Я тебя везде ищу! — Лиана подошла ближе и чмокнула её в щёку, обдав запахом розового масла. — Хотела позвать тебя на прогулку к ручью. Такой день чудесный, а ты всё в своих кладовых сидишь.

— У меня ещё много дел, — сказала Ровена.

— У тебя всегда много дел. — Лиана надула губки. — Ты совсем себя не бережёшь. Посмотри, какая бледная. Дариан, наверное, совсем тебя замучил своими границами?

Последние слова она произнесла легко, как бы между делом, но Ровена заметила, как быстро сестра скользнула по ней взглядом. По лицу, по шее. По метке.

— Дариан занят делами стаи, — ровно ответила она. — Как и положено Альфе.

— Конечно, конечно, — закивала Лиана. — Он так много работает. Вчера вот допоздна сидел у нас в башне над старыми картами, представляешь? Матушка даже велела подать ему ужин наверх, чтобы не голодал. Он так устаёт, бедный. — Она вздохнула и сочувственно погладила Ровену по руке. — Ты бы с ним помягче, сестрица. Мужчины не любят, когда на них сердятся.

Ровена посмотрела на её пальцы на своём рукаве. Пальцы были тонкими, белыми, с аккуратными ноготками. На безы-

мянном поблёскивало новое колечко — тонкое, серебряное, с крошечным зелёным камнем. Ровена его раньше не видела.

— Я на него не сержусь, — сказала она.

— Вот и умница. — Лиана улыбнулась шире, показав ямочки. — Ну, раз ты не идёшь, я одна прогуляюсь. Может, нарву тебе цветов, хочешь?

— Не нужно.

— Как скажешь!

Она упорхнула так же легко, как появилась, и в коридоре ещё долго висел тонкий запах роз.

Сайра внутри Ровены глухо, утробно зарычала.

Чужое, — сказала волчица. — *От неё пахнет чужим.*

— Розами, — шёпотом поправила Ровена. — От неё пахнет розами.

Под розами.

Ровена ничего не ответила. Она стояла в пустом коридоре и думала о том, что под розовым маслом, едва уловимый, почти стёртый, был другой запах. Хвоя. Дым. И что-то ещё — то, чему у неё не было названия, кроме одного.

Она тряхнула головой так резко, что заныла шея.

Нет.

Лиана была в башне, где он работал над картами. Лиана подавала ему ужин. Конечно, от неё пахло им — так же, как пахло бы от любой служанки, что принесла ему кубок вина. Это ничего не значило. Это не могло ничего значить.

Дариан — её истинная пара. Её Альфа. Луна сама связала

их. Истинные пары не изменяют. Это знает каждый волчонок: волк, нашедший свою Луну, не может даже смотреть на другую — его зверь просто не позволит.

Ровена знала это так же твёрдо, как знала, что за ночью приходит утро.

И всё равно метка у основания шеи заняла сильнее.

За ней пришли на закате.

Ровена как раз закончила с хозяйственными счетами и сидела в своей маленькой рабочей комнате у окна, глядя, как солнце тонет за Вдовьей горой и окрашивает её снежную вершину в цвет запёкшейся крови. В дверь постучали — коротко, отрывисто, — и на пороге появился Ульф, Бета Дариана.

Ульф никогда не приходил за ней сам. Для поручений у Альфы были мальчишки-посыльные.

— Луна, — сказал он, не глядя ей в глаза. — Альфа ждёт вас в Большом зале.

— Сейчас? — Ровена отложила перо. — Что случилось?

— Альфа ждёт, — повторил Ульф. И добавил, ещё тише: — Прошу вас, не медлите.

Она поднялась. Сердце почему-то забилось где-то у самого горла, и Сайра внутри вдруг встала, вздыбив шерсть на загривке.

По дороге в зал Ровена заметила, что Ульф идёт не рядом с ней, а на полшага позади. Так, как ведут не Луну стаи.

Так, как ведут пленника.

Большой зал Чёрного Утёса был холодным даже летом.

Высокие своды терялись в темноте, на стенах висели старые знамёна и щиты, в огромном камине горел огонь, но тепло его не доходило дальше первых рядов скамей. В дальнем конце зала, на возвышении, стоял резной трон Альфы — чёрное дерево, оскаленные волчьи морды на подлокотниках.

Дариан не сидел на троне. Он стоял перед ним, спиной к огню, и в отсветах пламени его лицо казалось вырезанным из камня.

Он был очень красив, её муж. Ровена подумала об этом даже сейчас — нелепо, не к месту. Высокий, широкоплечий, с чёрными волнистыми волосами, падавшими на лоб, с тёмно-зелёными глазами, которые в гневе становились почти чёрными. Три года назад, на Весеннем сходе стай, она увидела его через всю поляну — и мир качнулся у неё под ногами, а в груди разлилось такое жаркое, такое невыносимое узнавание, что она забыла, как дышать. *Мой*. И он обернулся — будто она позвала его вслух. И пошёл к ней через толпу, не отрывая взгляда, и остановился так близко, что она почувствовала его дыхание, и сказал хрипло, словно не веря: «Ты».

Сейчас он смотрел на неё так же неотрывно. Только в глазах не было ничего, кроме холода.

В зале были люди. Ульф встал у дверей. У стены, на скамье, сидели трое старейшин стаи — Гуннар, Эйрик и старая Сигне. Ровена заметила, что Гуннар отвёл глаза, когда она вошла.

А чуть в стороне, у камина, в кресле с высокой спинкой сидела Вивьен.

Мачеха почти не изменилась за шестнадцать лет. Всё та же точёная фигура, всё те же медно-рыжие волосы, лишь чуть тронутые сединой у висков, всё та же спокойная, едва заметная улыбка. Она сидела, сложив руки на коленях, и смотрела на Ровену с выражением печального сочувствия.

За её креслом, положив руку матери на плечо, стояла Лиана. Глаза у неё были красными, будто она плакала.

— Дариан, — Ровена остановилась в нескольких шагах от него. — Что происходит?

Он не ответил. Только протянул руку, и Ульф вложил в неё сложенный лист пергамента. Дариан развернул его и протянул ей.

— Узнаёшь?

Ровена взяла лист.

Это было письмо. Короткое, на десяток строк. Почерк был её — острый, с наклоном влево, с характерной петлёй у буквы «д», над которой всегда смеялся отец. Внизу стояла печать — оттиск в тёмно-синем воске: серебряный волк Тёмного Хребта, обвитый лунным серпом. Печать Луны стаи. Её печать.

Она начала читать — и кровь отхлынула от лица.

«Альфе Кровавой Луны, Гримвальду. Как условились: третья ночь новолуния, северный перевал. Дозоры снимут после второй стражи. Ворота у Вороньего ручья будут от-

крыты. В обмен — то, что обещано: место рядом с тобой, когда Тёмный Хребет склонится. Р.»

Ровена подняла глаза.

— Это не я писала.

— Это твой почерк, — сказал Дариан.

— Это похоже на мой почерк. — Она слышала собственный голос будто издалека, и он был слишком спокойным. — Но я этого не писала. Я никогда в жизни не писала Гримвальду. Он убил моего отца, Дариан! Ты знаешь это. Ты был там, когда мы хоронили отца!

— Я знаю, что твой отец погиб на северном перевале, — медленно сказал Дариан. — Знаю, что после этого Каменный Брод остался без Альфы и перешёл ко мне. И знаю, что ты так и не простила мне, что я не успел прийти ему на помощь. Ты говорила это. Помнишь? В первую ночь после похорон.

Ровена помнила. Она тогда кричала на него, рыдая, била кулаками в грудь, а он стоял и терпел, а потом обнял её и держал до самого рассвета.

— Я была не в себе, — прошептала она. — Я потеряла отца. Ты простил меня тогда. Ты сам сказал...

— Это письмо нашли сегодня утром у гонца, — перебил он. — Мои дозорные взяли его у Вороньего ручья. Он пытался уйти на север. Когда его прижали, он проглотил яд. Но письмо выбросить не успел.

— Значит, кто-то хотел, чтобы его нашли.

— Значит, кто-то был неосторожен.

— Дариан, посмотри на меня! — Она шагнула к нему, и Ульф у дверей дёрнулся, будто собирался её остановить. Это движение ударило сильнее, чем любые слова. — Посмотри на меня. Это я. Твоя Луна. Ты знаешь меня. Ты *чувствуешь* меня. Разве ты чувствуешь во мне ложь?

Он смотрел на неё. Долго. И на одно мгновение — Ровена готова была поклясться — что-то дрогнуло в его лице. Что-то живое, растерянное, мучительное, словно он изо всех сил пытался услышать её сквозь толщу воды и не мог.

А потом он моргнул, и это исчезло.

— Я больше не знаю, что я чувствую, — тихо сказал он. — Уже давно не знаю.

— Дариан...

— Сестрица, прошу тебя! — Лиана вдруг бросилась вперёд, схватила Ровену за руки. По её щекам текли слёзы. — Прощу, просто скажи правду! Если ты в чём-то запуталась... если тебя заставили... Альфа поймёт, он простит! Правда ведь, Дариан? Она ведь не со зла!

Ровена смотрела на неё, не понимая.

— Лиана, о чём ты говоришь? Мне не в чем признаваться.

— Но ты же уходила! — всхлипнула сестра. — Все эти ночи, одна, в лес! Я видела, я спрашивала тебя, куда ты идёшь, а ты говорила — побегать, Сайре нужно размяться... Я никому не говорила, честное слово, я не хотела, но они спросили меня, и я не могла солгать Альфе!

В зале стало очень тихо.

Ровена действительно уходила по ночам. Последний месяц, когда сон не шёл, а Дариана не было рядом, она выскальзывала из крепости, перекидывалась в волчицу и бежала через лес до самого подножия Вдовьей горы. Бежала, пока не выбивалась из сил, пока ветер не выдувал из головы все мысли. Это был единственный способ уснуть.

Она никому об этом не рассказывала. Только однажды — Лиане, когда та столкнулась с ней на рассвете у задней калитки.

— Я бегала, — сказала Ровена. Голос её наконец сорвался. — Просто бегала. Одна. Потому что не могла спать без тебя.

Последние слова она сказала Дариану. Но он смотрел не на неё. Он смотрел на старейшин.

— Совет соберётся завтра, на рассвете, — сказал он ровно. — Выслушает гонцов, дозорных и... обвиняемую. И вынесет решение. До тех пор Луна не покидает своих покоев. Ульф, поставь стражу у её дверей.

— Дариан. — Это сказала не Ровена, а старая Сигне. Она поднялась со скамьи, опираясь на клюку. — Ты уверен? Это твоя истинная пара. Луна сама...

— Я сказал, совет соберётся на рассвете, — повторил он, и в его голосе впервые прорезался рык Альфы, от которого у всех в зале склонились головы.

У всех, кроме Ровены.

Она стояла прямо и смотрела ему в глаза. И за его плечом, в отсветах огня, видела лицо мачехи. Вивьен по-прежнему

смотрела на неё с печальным сочувствием.

Только уголки её губ чуть-чуть, едва заметно, приподнялись.

Лиана, всё ещё державшая Ровену за руки, напоследок сжала её пальцы — крепко, до боли, — и отпустила. И, отступая, на один короткий миг подняла глаза.

Слёз в них больше не было.

Дверь за ней заперли снаружи. Ровена слышала, как лязгнул засов, как переступили с ноги на ногу двое стражников, как один из них неловко кашлянул. Это был Торвин — она узнала его по голосу. Тот самый Торвин, которого она утром учила смотреть на плечи.

Она не стала стучать. Не стала кричать, требовать, звать Дариана. Она просто села на край постели — той самой постели, холодную половину которой нащупала на рассвете, — и долго смотрела на огонь в камине, пока он не прогорел до углей.

В голове было пусто и звонко, как в колоколе после удара.

Почерк. Печать. Ночные прогулки. Слёзы Лианы, которые исчезли, едва она отвернулась. Улыбка Вивьен.

Кто-то очень долго и очень терпеливо плёл эту сеть. Подбирал нить к нити. Учился подделывать её руку — Ровена вспомнила, как полгода назад Лиана попросила её переписать для неё старую песню, «у тебя такой красивый почерк, сестрица, а у меня всё вкривь». Как два месяца назад пропала, а потом нашлась в самом неожиданном месте, за сунду-

ком, её печатка. Как Лиана с невинным видом спрашивала, когда у Альфы следующий обход северных дозоров.

Мелочи. Глупые, ничего не значащие мелочи, на которые она не обращала внимания, потому что это была Лиана. Маленькая сестрёнка с рыжими кудряшками. Пустая, легкомысленная, безобидная.

Безобидная, — презрительно фыркнула Сайра.

Но даже это было не самым страшным. Страшнее всего было лицо Дариана. Тот миг, когда он посмотрел на неё — и не услышал. Словно между ними стояла стена. Словно связь, которую сама Луна натянула между их сердцами, вдруг истончилась до паутинки.

Я больше не знаю, что я чувствую.

Как Альфа может не чувствовать свою Луну? Это невозможно. Это противоречит всему, что она знала о мире.

Если только он сам не захотел перестать чувствовать.

Ровена легла, не раздеваясь, и закрыла глаза. Завтра на рассвете совет. Она будет говорить. Она будет спокойной. Она найдёт слова. Старая Сигне на её стороне, Бран, может быть, кто-то ещё. Она докажет...

Боль пришла около полуночи.

Она была такой внезапной и такой острой, что Ровена закричала бы, если бы горло не перехватило. Метка у основания шеи вспыхнула, словно к коже приложили раскалённое железо. Ровена скатилась с постели на пол, вцепившись в плечо, и несколько долгих мгновений просто лежала, хва-

тая ртом воздух.

Внутри неё выла Сайра. Не рычала — выла, отчаянно, тоскливо, так, как воют волки над мёртвым.

А потом боль схлынула, оставив после себя ноющую пустоту. И вместе с ней пришло знание — чистое, холодное, неоспоримое, как удар ножа.

Она знала, где он. Метка тянула её туда, как натянутая нить тянет за собой веретено.

Западная башня.

Ровена поднялась. Руки дрожали, но голова вдруг стала очень ясной. Она подошла к окну и толкнула тяжёлую раму. В лицо ударил холодный ночной ветер, пахнувший снегом с Вдовьей горы. Внизу, в тридцати локтях, чернел двор. Под окном шёл узкий каменный карниз — шириной в ладонь, не больше, — который огибал всю северную стену и уходил к Западной башне.

В четырнадцать лет, когда она впервые гостила в Чёрном Утёсе вместе с отцом, она прошла по этому карнизу на спор с мальчишками стаи. Дариан тогда был среди них — шестнадцатилетний, долговязый, ещё не Альфа и ещё не узнавший её. Он стоял внизу и кричал ей, что она сумасшедшая.

Ровена перекинула ногу через подоконник.

Карниз был скользким от вечерней росы. Ветер рвал косу и подол платья, которое она так и не сняла. Она шла, прижавшись спиной к холодному камню, не глядя вниз, медленно переставляя ноги и держась кончиками пальцев за выщерб-

лины в кладке. Один раз нога соскользнула, и сердце ухнуло в пустоту, но пальцы удержали. Она замерла, переждала, пока уймётся дрожь, и пошла дальше.

Западная башня выросла перед ней тёмной громадой. В одном-единственном окне на третьем ярусе, в окне покоев Лианы, горел свет.

Ставни были приоткрыты.

Ровена знала, что ей не нужно туда смотреть. Знала это так же ясно, как знала, что под ней тридцать локтей пустоты. Метка уже всё ей сказала. Сайра уже всё ей сказала. Оставалось только повернуть назад, вернуться в свою комнату, лечь и дожидаться рассвета.

Но она была дочерью Рорика из Каменного Брода. А Рорик учил её никогда не отворачиваться от того, что может её убить. *Смотри в лицо, Ровена. Всегда смотри в лицо.*

Она сделала последние три шага и заглянула в щель между ставнями.

Комната Лианы была жарко натоплена и залита мягким светом свечей. Пахло розовым маслом, вином и — Ровена почувствовала это даже отсюда — им. Хвоя. Дым. И тот самый, единственный, неназываемый запах, который три года принадлежал только ей.

Они были на постели.

Лиана лежала, разметав по подушкам медные волосы, и смеялась — тихо, низко, совсем не так, как смеялась днём. Её белые руки обвивали шею Дариана. Его рубаха валялась

на полу. Он склонялся над ней, и его губы скользили по её горлу, по ключице, по обнажённому плечу, и Лиана выгибалась ему навстречу и шептала что-то, чего Ровена не могла разобрать.

А потом разобрала.

— ...завтра всё закончится, — шептала Лиана, перебирая пальцами его волосы. — Совет признает её виновной. И ты будешь свободен. Наконец-то свободен, любимый. Никаких больше чужих меток. Никаких лживых волчиц в твоей постели. Только я.

— Не говори о ней, — глухо отозвался Дариан, не поднимая головы.

— Не буду. — Лиана улыбнулась. — Я вообще больше не хочу о ней говорить. Иди ко мне.

И он пошёл.

Ровена смотрела, как её муж — её Альфа, её истинная пара, её *мой*, — целует другую женщину. Целует жадно, долго, так, как целовал её саму в первые месяцы, когда они не могли отпустить друг друга даже на час. Смотрела, как его ладонь скользит по бедру Лианы, как сестра запрокидывает голову, как в свете свечей на её шее блестит серебряная цепочка с крошечным зелёным камнем — в пару к колечку на пальце.

Она не плакала. Слез не было. Внутри было тихо и пусто, как в разорённом гнезде.

Только метка горела. И Сайра больше не выла. Она лежала где-то на самом дне души, свернувшись клубком, и молчала.

И это молчание было страшнее любого воя.

Ровена отступила на шаг. Нога соскользнула с края карниза — совсем чуть-чуть, — и мелкий камешек сорвался вниз и с тихим, отчётливым стуком ударился о ставень.

Дариан вскинул голову.

На одно бесконечное мгновение их взгляды встретились через щель в ставнях — её, серые, неподвижные, как лёд на Ледянке, и его, тёмные, расширенные, мутные от вина и чего-то ещё, тяжёлого и чужого.

Он узнал её. Она видела, как это узнавание обрушилось на него, как побелело его лицо.

— Ровена, — выдохнул он.

Лиана повернула голову, проследила за его взглядом. И улыбнулась. Медленно, сладко, торжествующе. Той самой улыбкой, которой улыбалась в семь лет, стоя на пороге чужой комнаты.

Это теперь моё.

— Ой, — сказала Лиана. — Сестрица.

Ровена развернулась и пошла прочь по карнизу — быстро, не держась за стену, не думая о пустоте внизу. За спиной грохнули распахнутые ставни. Дариан что-то крикнул — её имя, кажется, — но ветер унёс его голос.

У угла башни, там, где карниз соединялся с крышей старой конюшни, Ровена спрыгнула вниз, на прелую солому. Перекатилась, вскочила. Во дворе было темно и пусто, лишь у главных ворот горел факел дозорного.

Она не пошла к воротам. Она бросилась к задней калитке у Вороньего ручья — той самой, через которую уходила бегать по ночам. Той самой, о которой знала только Лиана.

За калиткой начинался лес. За лесом поднималась Вдовья гора.

И Ровена побежала.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.